

Руставели Шота

Витязь в тигровой шкуре

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ш80

Ш80 **Шота Р.**
Витязь в тигровой шкуре / Руставели Шота – М.: Книга по Требованию, 2024. – 322 с.

ISBN 978-5-519-84074-3

ISBN 978-5-519-84074-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПЕРЕВОД С ДРЕВНЕГРУЗИНСКОГО
ПАНТЕЛЕЙМОНА ПЕТРЕНКО

ПРИ УЧАСТИИ И ПОД РЕДАКЦИЕЙ
КОНСТАНТИНА ЧИЧИНАДЗЕ

ПОРТРЕТ И ИЛЛЮСТРАЦИИ
СЕРГЕЯ КОБУЛАДЗЕ

НА ПЕЧАТАНО ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Президент академик *В. А. КОМАРОВ*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

академик *ИОСИФ ОРБЕЛИ*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перевод творения великого грузинского поэта — задача в высшей степени трудная.

Несмотря на то, что Шота Руставели и его поэма привлекали к себе внимание десятков исследователей, и до сего дня мы не имеем научного критического издания текста. Громадная работа, проведенная в этом направлении академиком Н. Я. Марром, дала чрезвычайно ценные результаты, но она не только не получила окончательного оформления, но и далеко не была закончена.

Установление текста затрудняется в значительной степени тем, что древнейшие сохранившиеся рукописи поэмы переписаны спустя четыре века после смерти поэта и что большинство списков, особенно же — еще более поздних, содержит существенные расхождения. Отсутствие ранних рукописей в большой мере объясняется исключительной популярностью поэмы, подвергавшейся в течение веков многократной переписке. Это обстоятельство, в свою очередь, приводило к включению в текст поэмы позднейших вставок и дополнений, так же, как это произошло с текстом поэмы «Шахнамэ» великого Фердоуси.

Многие из этих вставленных позднее строф противоречат по своему содержанию и характеру всему миросозерцанию великого поэта. Свободный от стремления к конкретизации религиозных образов, а тем более от какой бы то ни было, мусульманской или христианской, церковности, Руставели не мог ни направить своего героя молиться в мечеть, ни уподобить его католику или Адкурскому архиепископу. Герой в изображении Руставели

молится, но молится, обращаясь к необъятной небесной тверди и к ее светилам. Беспомощные попытки переписчиков обогатить блестящее вступление Руставели то неудачным пересказом его мыслей, то положениями, явно противоречащими бесспорно подлинным стихам поэта, так же нетерпимы в тексте, что и было доказано Н. Я. Марром еще двадцать семь лет тому назад.

Но освобождение поэмы от всех этих вставок и наслоений должно быть произведено прежде всего в грузинском тексте. Ведь они выдают себя не только содержанием, но и стихом и языком; авторы их подделывались под Руставели, но подделать его не могли.

Развитие грузинской речи, значительно отошедшей от языка, на котором говорил и творил Шота, и непонятность для переписчиков многих оборотов и выражений поэта приводили к искажениям смысла и формы также и тех строф, которые действительно принадлежат Руставели.

Можно надеяться, что издание текста, подготовляемое Институтом Руставели в Тбилиси, даст читателю текст, освобожденный от искажений и вставок. Но работа эта, по своей трудности, едва ли может быть завершена в первом же издании.

Только три дня тому назад мы получили сведения, что из печатающегося к юбилею нового издания поэмы исключаются 75 строф. В большинстве, эти изъятия совершенно бесспорны, и, несомненно, — этот список не является исчерпывающим. Но, к сожалению, при печатании нашей книги оказалось возможным изъять лишь три строфы из последнего листа. Список изъятых из грузинского издания строф мы даем в конце книги.

Грузинскому филиалу Академии Наук Союза Советских Социалистических Республик принадлежит честь организации работы по переводу и привлечению к этому талантливого поэта П. А. Петренко. Он не владел грузинским языком, но располагал русским подстрочным переводом и имел возможность пользоваться постоянной помощью К. А. Чичинадзе, положившего в основу свое же издание текста. Безвременная смерть поэта прервала его работу на 1601 строфе. Конец поэмы был переведен по предложению Грузинского филиала Академии Наук Б. И. Бриком.

Отмеченные выше трудности перевода были еще умножены задачей дать перевод стихотворный. Надо сказать, что перевод П. А. Петренко, несмотря на его недочеты, объясняемые в значительной степени тем, что смерть лишила его возможности отделать

язык и стих, — является в общем лучшим и по форме и по близости к подлиннику переводом поэмы Шоты Руставели, способным дать не знающему древне-грузинского языка читателю знакомство с творением великого грузинского поэта, а не его бальмонтовским перепевом. В переводе Б. И. Брика наблюдается большая свобода от близости к подлиннику и меньшая созвучность с ним.

При печатании предлагаемого перевода мы не сочли возможным внести все те исправления и уточнения, которые были бы внесены в прозаический перевод: ведь труд П. А. Петренко сам по себе является художественным произведением, требующим бережного к себе отношения. В выправленный К. А. Чичинадзе и Б. И. Бриком текст перевода П. А. Петренко нами лишь в меру крайней необходимости были внесены исправления с помощью М. М. Дьяконова.

К числу исправлений, которые были бы неизбежны в прозаическом переводе и от которых нам пришлось воздержаться во избежание ломки многих мест перевода, относится и неточность в переводе некоторых терминов. Это особенно важно иметь в виду в том, что касается передачи термина *топа* всегда словом 'раб', хотя, как видно и из контекста, во многих случаях имеются в виду отнюдь не рабы в обычном смысле этого русского слова, а такие лица, как вассал Автандила Шермадин или Асमत, сама имеющая рабов. Объяснение этого и других социальных терминов читатель найдет в труде Н. Я. Марра: «Культ женщины и рыцарство в поэме Шоты из Рустава».

Мы не сочли возможным изменять форму, в которой покойный поэт принял в свой перевод собственные имена, несмотря на непоследовательность их передачи. Называя жену Усена Фатман, следовало бы говорить Фарсадан, Фридон. Говоря Автандил, следует называть главного героя Таризлом, а не Таризлем, в угоду неприемлемой, но, к сожалению, уже укоренившейся бальмонтовской традиции; но это исправление исказило бы рифму.

Наконец, подчиняясь требованиям стиха, мы вынуждены сохранить традиционное, и в грузинском принятое, написание имени Нестандареджан, хотя это имя следует писать или как одно слово, или разбивая его не на две, а на три части; как уже несколько десятков лет назад разъяснил Н. Я. Марр, это имя — три персидских слова, *nêst andar djehân*, означающих «нет в мире [подобной]».

Не менее трудную задачу, чем перевод, представляет иллюстрирование поэмы Руставели. Миниатюры, сохранившиеся в поздних рукописях, по стилю не соответствуют характеру поэмы и, с другой стороны, не способны удовлетворить современного читателя. Попытка воспроизведения тех или иных эпизодов поэмы на основании документальных данных эпохи Руставели, подчиняя художника археологическим изысканиям, значительно стеснила бы его свободное творчество.

С. С. Кобуладзе стремился в своих рисунках передать силу, монументальность и динамику поэмы. Портрет Руставели представляет собою свободную композицию: его изображения, если они и были, до нас не дошли.

Э. К. Кверфельдт в своих заставках, концовках и в рисунке переплета строго ограничил себя памятниками эпохи Руставели, заимствуя мотивы из всего богатства форм искусства Грузии и культурно с нею связанных стран.

Будет ли смелостью утверждать, что перед русскими поэтами, любящими и ценящими гениальную поэму Шоты Руставели, стоит благородная задача: подхватить перо, выпавшее из рук Пантелеймона Петренко, и настойчивой работой над его наследием, в сотрудничестве с теми, кто знает язык Шоты, создать перевод, подобающий творению бессмертного Шоты Руставели.

Но это — дело будущего, а время не ждет.

Между тем, именно в наше время нужно всегда помнить и осуществлять высокий завет Руставели:

რასაც კაცებმ შენია, რაც არა დაკარგულია

Пусть же эта книга поможет претворению гениальной поэмы из национального достояния Грузии в достояние всего великого советского народа. Пусть и здесь осуществляются слова Руставели:

«Что раздашь — твоим пребудет, что не отдал — потерял».

Иосиф Орбели

ШОТА РУСТАВЕЛИ

ВИТЯЗЬ В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ

ВСТУПЛЕНИЕ

- 1 Ты, вселенную создавший, силой собственной велик,
Дуновеньем животворным бездыханное проник,
Людам дал весь мир — несметной многоцветности цветник,
Странам дал владык, и в каждом отражается твой лик.
- 2 Бог единый, ты — прообраз всех земных и горних тел,
Дай мне силу, чтобы дьявол полонить меня не смел,
Дай любить еще, доколе смерть не вырубит предел,
Облегчи грехи, что телу навсегда даны в удел!
- 3 Льву приличны меч и пика, медный щит ему пристал,
Солнца блеск идет царице, чье обличье алый лал.
Как осмелиться, не знаю, мне излить поток похвал?
Взору в дар Тамар явилась, но хвалы отдарок мал.
- 4 Слез кровавых дождь хвалебный только ей да будет мил!
Темных слов мы не сказали, и творил я без чернил:
Не перо, тростник высокий черным озером поил,
Чтоб хвалебный стих иному точно меч по сердцу бил.

-
- 5 Петь уста, ресницы, брови — долг почтительный певца,
Зубы выложены ровно, два блистающих венца;
Белорозовый, точеный люб овал ее лица.
Раздробит и камень твердый наковальня из свинца.
- 6 Мне нужны язык и сердце, чтобы славить и хвалить,
Дай умение мне и силу с песнопеньем разум слить,
Чтоб смогли мы Таризля словом пламенным почитать,
И да свяжет трех героев неразлучной дружбы нить!
- 7 Этот плач о Таризле не иссякнет, вечен он.
Сядьте все вокруг Руствели, кто рожден, как он рожден.
Я ною о нем стихами, в сердце копьями пронзен,
Вышив повесть жемчугами, дал я прозе перезвон.
- 8 Я, Руствели, сказ певучий до исхода доведу
Для тебя, царица войска, иль умру здесь на виду.
Обессиленный любовью, я спасения не жду.
Коль спасти меня не можешь, схорони со мной беду!
- 9 Сказка персов по-грузински мною песенно дана.
Перешла из рук на руки, как жемчужина, она;
Мной наряженная в рифмы, здесь она вознесена.
Омрачившая мой разум, не отвергни письмена!
- 10 Проясниться снова жаждет ослепленный ею взор,
И, стесненное любовью, сердце в доли я простер.
Я душою возрождаюсь, подымаясь на костер.
Три воспетых цвета смогут исчерпать стиха простор.
- 11 Должен каждый примириться с предназначенной судьбой:
Пусть работает работник и уходит воин в бой,
А влюбленный пусть палящий сохраняет в сердце зной,
Пребывая безупречным в сокровенной страсти той.
- 12 Испытав судьбу влюбленных, что пришла из мглы небес,
Я в себе сумел увидеть всех судеб суровый лес.
Полнозвучный, щедростишный, я несу красу словес.
Ведь моих десятой доле бед их тяжких равен вес.